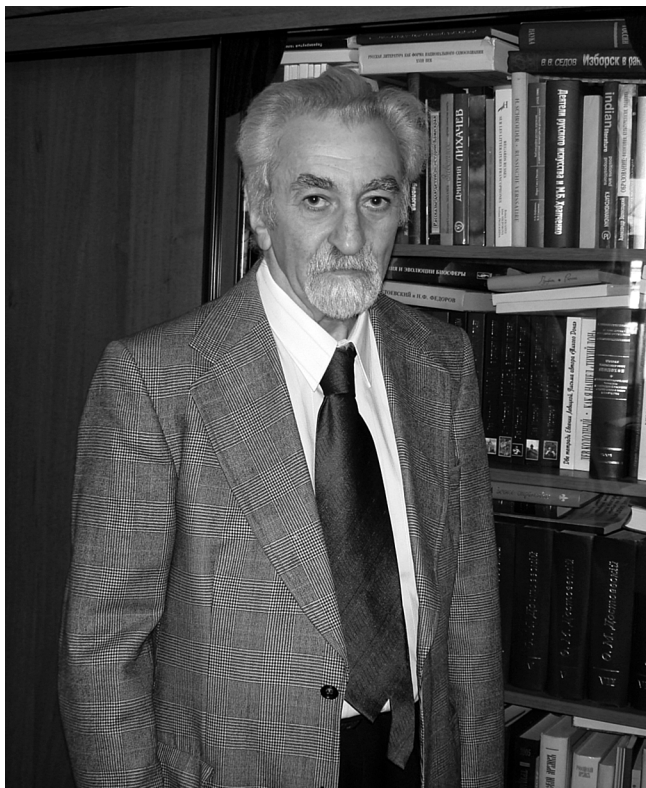

ЮБИЛЕИ УЧЕНЫХ

АКАДЕМИК БОРИС ЛЬВОВИЧ РИФТИН
(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В гуманитарном знании есть области, редко посещаемые исследователями. Это не значит, что они хорошо изучены или малозначительны для культуры (и мировой, и национальной); зачастую дело обстоит как раз противоположным образом. Причина невнимания к ним обычно обусловлена инерцией научной традиции, которая следует когда-то сложившимся приоритетам и не испытывает потребности в их корректировке. Положение специалистов в данных областях двойственно: с одной стороны, их уникальность несомненна и, как правило, признается научным сообществом, но, с другой, такой специалист не может не испытывать своего рода “научного одиночества”, обусловленного дефицитом диалогических отношений с коллегами, не владеющими или не интересующимися его предметом.

Подобным предметом является китайский фольклор. Отношение к культуре Китая почти исключительно как к письменной привело к тому,

что тексты китайской устной словесности (на самом деле чрезвычайно обширной), как и вообще народные традиции Китая, изучались относительно мало – во всяком случае за пределами страны. Специалисты в данной области чрезвычайно редки, за долгие годы востоковедческих занятий нам посчастливилось встретить (опять-таки за пределами Китая) лишь одного китаеведа-фольклориста – Бориса Львовича Рифтина, хотя, конечно, синологическая квалификация этого замечательного ученого подобным определением отнюдь не исчерпывается.

Область научных исследований Б.Л. Рифтина – китайский классический роман и устная сказовая традиция, дунганский фольклор и китайское народное искусство, китайская мифология и мифология аборигенов Тайваня, взаимосвязи литератур Дальнего Востока (особенно китайско-монгольские литературно-фольклорные взаимосвязи) и история русского китаеведения. Он – автор около нескольких сотен печатных работ, многие из которых опубликованы на китайском, японском, вьетнамском, английском и немецком языках (см.: Список основных научных трудов (1952–2009) академика Б.Л. Рифтина // Китай и окрестности. Мифология, фольклор, литература. К 75-летию академика Б.Л. Рифтина. М.: РГГУ, 2010, с. 609–635).

Б.Л. Рифтин (по-китайски Ли Фу-цин), доктор филологических наук, академик РАН, родился в 1932 г. в Ленинграде, в 1955 г. окончил китайское отделение Восточного факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, а после окончания университета переехал в Москву и в феврале 1956 г. поступил научным сотрудником в Институт мировой литературы АН СССР. Здесь он и работает до нынешнего времени – уже более пятидесяти пяти лет, пройдя все ступени научной иерархии (от “младшего” до “главного”) и в настоящее время возглавляя Отдел литератур Азии и Африки ИМЛИ. Здесь он подготовил кандидатскую и докторскую диссертации, выпустил подавляющее большинство своих трудов, был избран членом-корреспондентом АН СССР (1987) и действительным членом РАН (2006). С 2005 г. он является также профессором Института восточ-

ных культур и античности РГГУ, где читает курсы по китайскому фольклору, китайскому классическому роману и источниковедению.

Б.Л. Рифтин – профессор одного из Тайваньских университетов, почетный профессор Ляочэнского университета и Синьцзянского педуниверситета (КНР), зарубежный профессор Нанькайского и Шаньдунского университетов (КНР). Он постоянно принимает участие в международных симпозиумах в КНР, на Тайване, в Японии, США, Германии, Чехии, Словакии, выступает с научными докладами и лекциями в Китае, Германии, Англии, Голландии, Австрии, Вьетнаме, Японии, США и в других странах. Научный авторитет Б.Л. Рифтина чрезвычайно высок. Он – член многочисленных редколлегий востоковедческих журналов и книжных серий, лауреат Государственной премии СССР (1990), его деятельность отмечена наградами Тайваня (1993) и КНР (2003, 2007, 2010).

Когда заходит речь об учителях, Борис Львович называет три имени: В.М. Алексеев, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский.

От замечательного отечественного синолога, академика В.М. Алексеева, профессора восточного факультета ЛГУ, студент-китаист усваивает принцип комплексного изучения литературы, фольклора, народного искусства и народных верований; под его влиянием складывается отношение к китайской литературе не как к изолированному феномену, а как к части мировой литературы, с одной стороны, и словесности дальневосточного ареала, с другой (хотя для синологии такой подход отнюдь не самоочевиден). Впоследствии в своей научной деятельности Борис Львович распространяет подобный принцип на исследование мифологических, сказочных и эпических традиций Китая (в частности, обратившись к проблеме миграции индийских сюжетов в дальневосточный регион) и делает это исследование в полном смысле слова компаративным.

С именем В.М. Алексеева связана и многолетняя деятельность Б.Л. Рифтина как собирателя, исследователя и издателя *няньхуа* – своеобразных китайских лубков на разнообразнейшие фольклорные, театральные и прочие сюжеты. В.М. Алексеев был первым синологом, увидевшим в простонародных картинках серьезный элемент китайской культуры. Еще в студенческие годы В.М. Алексеев попытался понять смысл попавшейся ему на глаза народной картины из собрания ботаника Комарова, но не преуспел в этом; не смогли или не захотели помочь ему и преподаватели – как русские, так и китайцы.

Только оказавшись в Китае, молодой магистрант смог постепенно проникнуть в многозначный мир народных изображений, построенных, как правило, на сочетании различных изобразительных и словесных ребусов. В.М. Алексеев собрал замечательную коллекцию китайских народных картин, но опубликовать их не смог – подобный альбом требовал серьезных денег на издание, а найти их не удалось.

Не удалось напечатать при жизни В.М. Алексеева и почти ничего из написанного им о китайских лубках. Б.Л. Рифтин сделал очень много для того, чтобы через пятнадцать лет после смерти ученого появился сборник его статей “Китайская народная картина”. С тех пор Борис Львович не оставлял занятий народными изображениями, сосредоточившись на сюжетах лубочных картин. Он первым в синологии сумел показать, как воплощаются в народном искусстве сюжеты двух романов-эпопей – “Троецарствия” и “Речных заводей”, как взаимодействуют письменная литература и народные традиции. В 1991 г. в Пекине был издан подготовленный Б.Л. Рифтиным альбом “Редкие китайские народные картины из советских собраний”, в котором не только представлены уникальные лубки, но и сделана фундаментальная попытка классифицировать изображения по типам. Продолжением этой работы стало исследование о связи словесных и изобразительных картин в китайской традиционной словесности.

Как профессиональный фольклорист Б.Л. Рифтин получает подготовку у В.Я. Проппа – также еще в студенческие годы, в течении трех лет (1952–1955 гг.) слушая его курсы и занимаясь в его семинаре (на филологическом факультете и на факультете народов Севера ЛГУ). Интерес к фольклору неразрывно связан с интересом к живой устной традиции. И вот, начиная с первого курса и на протяжении ряда лет (1951, 1953, 1954 гг.), Б.Л. Рифтин ездит для изучения диалектов разговорного китайского языка в Киргизию к дунганам – китайским мусульманам, относительно недавним выходцам из Китая. Работая в колхозе подручным каменщика, он впервые слышит исполнение сказок и песен, делает свои первые записи сказочных текстов (они положили начало его исследованиям как собственно дунганской, так и китайской сказки). Там же слышит он и сказание о Великой стене, которое впоследствии ляжет в основу его кандидатской диссертации (“Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре”, 1961) – в ней по письменным источникам, по фиксациям устной традиции Б.Л. Рифтину удастся проследить особенности более чем тысячелетнего развития данного сюже-

та в его разных жанровых воплощениях, показав тем самым, какие безграничные возможности для изучения истории фольклора дает материал китайской словесности.

До конца жизни В.Я. Пропп внимательно следит за научной деятельностью своего ученика. В отзыве на его докторскую диссертацию «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии “Троецарствия”)» он высоко оценивает мастерство, с которым проанализирована “совокупность всей художественной системы традиционного прозаического сказа, включая формы исполнения (речь, жесты, мимику, интонацию), это мог сделать только живой и вдумчивый слушатель, по книгам этого не сделаешь” (и действительно: в Пекине Б.Л. Рифтин имел счастливую возможность ознакомиться с исполнением народного сказа, так сказать, в естественных условиях). По мнению Владимира Яковлевича, “точно и четко показано в работе, как авторский текст переходит в фольклор и что притом получается, очень хорошо говорится о детализации описания в письменном и устном повествовании, об отличии между эпическим и драматическим искусством. Продуманно решается спорный вопрос о взаимоотношении между сказительским текстом, письменной литературой и традиционным фольклором” В.Я. Пропп поддерживает как предложенную Б.Л. Рифтиным методику сопоставления вариантов китайского прозаического сказа с разбивкой на отдельные действия, так и введение новых терминов (“узлы”, “интервалы”, “плоскости повествования”). Можно добавить, что методика Б.Л. Рифтина и действительно может быть весьма продуктивно использована в гораздо более широком круге фольклористических исследований.

Примечательно, что Борис Львович был зачислен в ИМЛИ в один день с Е.М. Мелетинским, также оказавшим сильнейшее влияние на молодого востоковеда в его сравнительно-типологических занятиях мифом, сказкой и эпосом. В частности, именно под этим влиянием Б.Л. Рифтин продолжает работу (начатую еще В.М. Жирмунским) по компаративному расширению круга типологически однородных эпических мотивов, вводя в него китайский материал, до того совершенно неосвоенный; для синологии это – еще один убедительный опыт включения самобытных традиций Китая в контекст мировой культуры. С другой стороны, Борис Львович впервые в филологии последовательно применяет к китайскому фольклору аналитические приемы русской фольклористики. Первым в отечественной науке обращается Б.Л. Рифтин и к углубленному исследованию

китайской мифологии, причем не только древних традиций, реконструируемых по книжным памятникам, но и к ее живым формам, связанным с современными религиозными культами (что также раньше не делалось). Результат – монографии, статьи на русском и китайском языках, грандиозные библиографии по данному предмету, в частности, послесловие, комментарии, библиография, общая редакция книги Юань Кэ “Мифы древнего Китая”, монография “От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе”, статьи по китайской мифологии в энциклопедии “Мифы народов мира”.

В 1970-е годы Борис Львович много занимается китайскими сюжетами в монгольском фольклоре, прежде всего — синтетическим жанром “книжных сказов” (*бэнсэн улигэр*), причудливо сочетающим в себе стилистические черты монгольского героического эпоса с тематикой китайских историко-авантюрных повествований. Он ездит в монгольские фольклорные экспедиции (1974, 1976, 1978 гг.), записывая и изучая уникальные образцы творчества восточномонгольских эпических певцов (хурчи).

С 1992 по 1998 г. Б.Л. Рифтин преподает в университетах Тайваня, читает на китайском языке китайским студентам курсы по китайскому фольклору (один год – также и русскому), китайскому классическому роману и русско-китайским отношениям (до XX в.). Кроме того, он руководит научной программой по собиранию и изучению устных традиций аборигенов Тайваня, чему посвящена монография на китайском языке “Сравнительное изучение мифов и сказок аборигенов Тайваня”, выдержавшая уже не одно издание (Тайчжун, 1998; Пекин, 2001). Это второй случай в русской науке после Н.А. Невского, еще в 1920-е годы собиравшего фольклор в этих краях. Борис Львович едет по следам своего знаменитого предшественника, дополняя его наблюдения и отмечая изменения, которые произошли в течение этих семидесяти лет.

Особо надо остановиться на теоретических штудиях Б.Л. Рифтина в сфере китайской и, шире, дальневосточной словесности. В целом ряде его работ (“Метод в средневековой литературе Востока”, “Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада”, “Жанр в литературе китайского средневековья” и др.) делается весьма небезуспешная попытка рассматривать литературы Востока в контексте всемирной литературы, распространить – с соответствующими дополнениями и коррекцией – западные литературоведческие категории на восточный материал, не

лишая его оригинальности и самобытности. Так, исследуя проблему жанра в китайской литературе и признавая приемлемость этого понятия для средневековой китайской словесности, Б.Л. Рифтин подчеркивает эффективность собственно китайских механизмов складывания и оформления жанровых категорий посредством фиксации их в соответствующих антологиях – прозаических и поэтических.

К этому направлению ученой деятельности Б.Л. Рифтина примыкают его работы о переводе с китайского языка на русский известных литературных произведений, главным образом прозаических. Здесь нельзя не выделить масштабную статью “Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжэя) в переводах акад. В.М. Алексеева”, в которой буквально слово за словом разбирается работа В.М. Алексеева по воссозданию на русском языке блестящего стиля великого китайского новеллиста; кроме другого русского перевода и перевода на английский для сравнения привлекается перевод и на современный китайский язык. Используя введенные М.Л. Гаспаровым понятия “точности” и “вольности” перевода, Б.Л. Рифтин убедительно свидетельствует о высочайшем мастерстве В.М. Алексеева – создателя особого языка для возможно более полной передачи стилистической многослойности и лексического изобилия китайского оригинала.

Необходимо, наконец, упомянуть об удивительной способности Бориса Львовича находить в разных библиотеках мира неизвестные исследователям образцы художественной словесности старого Китая. Об этих находках расскажут такие публикации Б.Л. Рифтина, как “Дополнения к каталогам китайских романов и произведений простонародной литературы”, “Каталог печатных изданий простонародной литературы провинции Гуандун из собраний России”. В Санкт-Пе-

тербурге он отыскал рукопись великого романа “Сон в Красном тереме”, в Москве – рукопись несохранившегося в Китае старинного романа “Ту ван янь” (“Хотите – верьте, хотите – нет”). Не случайно вокруг имени Б.Л. Рифтина – книжного археолога слагаются легенды. Говорят, однажды, беседуя с директором Пекинской библиотеки в его кабинете, он заметил, что под ножку старинного книжного шкафа для устойчивости подложена стопка бумаг с иероглифами. Приглядевшись, Б.Л. Рифтин настоятельно попросил у хозяина разрешения посмотреть на бумаги, а когда, уступая упорству гостя, шкаф приподняли, оказалось что устойчивость ему придавал старинный, никому не известный ксилограф. Что ж, порой легенда говорит о человеке больше, чем самая правдивая история.

Если отвлечься от того огромного значения, которое труды Б.Л. Рифтина имеют для китаеведения (и шире – для изучения словесности всего дальневосточного региона), и кратко резюмировать уникальный исследовательский опыт ученого, то следует признать следующее: современное исследование устной и книжной словесности достигает тем больших успехов, чем эффективнее используются методы сравнительного и типологического анализа. В книгохранилищах и архивах, в дунганской деревне и в павильоне пекинского сказителя, в монгольских степях и у аборигенов Тайваня Борис Львович всегда оставался верен сравнительному и типологическому методам, рассматривая каждое явление не только в его своеобразии, но также в широком контексте мировой литературы и мировой культуры.

Остается с удовольствием и от всего сердца сказать юбиляру китайское “Вань суй!” – русское “Многие лета!”.

С.Ю. Неклюдов, И.С. Смирнов